

УДК 069.1:355/359(47+57)"192"

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-405-412

Оригинальное исследование

Музейная рефлексия на возрастание военной угрозы СССР в 1920-е гг.

Воронко А.Н.

Департамент музеев и внешних связей Минкультуры России,
125993, ГСП-3, Москва, Малый Гнезниковский пер., д. 7/6,
E-mail: priemnaya.zam.18@culture.gov.ru

Аннотация. Музей как социальный институт всегда включен в систему социокультурных установок и ценностей общества. Формируясь в конкретных исторических условиях, музей как хранитель культурного наследия фокусирует свое внимание на идеях, принципах и идеалах прошлого, востребованных настоящим. Именно эта востребованность создает предпосылки для деятельности музея как инструмента пропаганды. В конкретно-исторических условиях музеи нередко играют роль трансляторов определенных государственных установок, политических взглядов, оценок и суждений. Таким периодом было время деятельности советских музеев как политико-просветительных учреждений. В период «военной тревоги» 1927 г. перед ними была поставлена задача обеспечить музейными средствами пропаганду по укреплению тыла и обороноспособности страны.

Ключевые слова: музей, политико-просветительное учреждение, политическая пропаганда, «военная тревога» 1927 г., обороноспособность страны, укрепление тыла

Для цитирования: Воронко А.Н. 2022. Музейная рефлексия на возрастание военной угрозы СССР 1920-е гг. *Via in tempore. История. Политология.* 2022. 49 (2): 405–412. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-405-412

Museum reflection on the increasing military threat to the USSR in the 1920s

Alexander N. Voronko

Department of Museums and External Relations of the Ministry of Culture of Russia,
7/6 Maly Gnezdnikovsky lane, Moscow 125993, GSP-3, Russia
E-mail: priemnaya.zam.18@culture.gov.ru

Abstract. The museum, as a social institution, is always included in the system of sociocultural attitudes and values of society. Being formed in specific historical conditions, the museum, as a keeper of cultural heritage, focuses its attention on the ideas, principles and ideals of the vulgar, demanded by the present. It is this demand that creates prerequisites for the museum's activity as a propaganda tool. In concrete historical conditions, museums often play the role of translators of certain state attitudes, political views, assessments and judgments. Such a period was the time of the activity of Soviet museums as political and educational institutions. During the period of the «war alarm» of 1927, they were tasked with providing propaganda with museum funds to strengthen the rear and defense capability of the country.

Keywords: museum, political and educational institution, political propaganda, «military alert» of 1927, the country's defense capability, strengthening the rear

For citation: Voronko A.N. 2022. Museum reflection on the increasing military threat of the USSR in the 1920s. *Via in tempore. History and political science.* 2022. 49 (2): 405–412 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-405-412

Введение

В конкретно-исторических условиях функции музея как социокультурного института определяются не только общественными потребностями и запросами, но и во многом диктуются политикой государства, включающего музей в систему идеологической работы. Поскольку советское музейное дело в 1920–1930-е гг. стало частью системы политико-просветительной работы, то политические события жизни общества часто становились поводом для постановки конкретных задач, выдвигаемых перед музеями. Одним из таких событий стала «военная тревога» 1927 г.

Проблема военной опасности, возникшая в связи с нараставшей международной изоляцией советского государства, связана с рядом хорошо известных фактов: поражением китайской революции, разрывом дипломатических отношений с Англией, убийством советского полпреда в Варшаве П. Воейкова, взрывом в ленинградском партийном клубе. Изучая международные события конца 1920-х гг., историки убедительно доказали, что угроза нападения была сильно преувеличена, но тезис «военной угрозы» активно эксплуатировался в Советском Союзе по политическим мотивам.

Последствия «военной тревоги» 1927 г. все более привлекают исследователей, сосредоточивших в последнее время внимание на изучении общественного сознания и настроениях, вызванных состоянием ожидания войны [Николаев, 1992; Баранов, 2007; Брянцев, 2014, 2017; Лившин, 2015]. Одной из дискуссионных проблем, по которой высказываются диаметрально противоположные точки зрения, стал вопрос о реальности угрозы или об инспирировании ее советским руководством для решения внутривнутриполитических проблем и борьбы с оппозицией. И если в отечественной историографии преобладает вторая точка зрения [Нежинский, 1990; Кудюкина, 2000], то шведский историк Л. Самуэльсон считает, что тревога была «неподдельной» и отражала взгляды руководства страны [Самуэльсон, 2001, с. 47–50]. Поэтому события 1927 г. стали поводом к организации масштабной пропагандистской компании, изучение которой ведется главным образом по материалам периодической печати [Ушакова, 2013]. Но рассмотрение музейной деятельности как инструмента и канала пропаганды, воздействующего на умонастроения населения, осталось за пределами интересов исследователей [Голубев, 2007, с. 111–113; Невежин, 1997, с. 67–83].

Объекты и методы исследования

Объектом исследования стала деятельность музеев в конце 1920-х – 1930-е гг., направленная на пропаганду музейными технологиями в дискурсе музейной рефлексии. Музейная рефлексия рассматривается нами аналогично пониманию истории как модели прошлого, его фрагментарному описанию, отраженному в нашем сознании, иными словами коллективной рефлексией. Музей как хранитель культурного наследия призван передавать следующим поколениям материальную и духовную культуру, воспринимаемую как нечто ценное и почитаемое. Здесь также присутствует момент избирательности в формировании модели прошлого. Таким образом, музейная рефлексия в зависимости от уровня «прочтения» информации музейных предметов позволяет использовать коллекции в виде невербальных пространственных высказываний, выражением которых является экспозиция музея.

Сегодня, когда роль музеев в культурно-просветительной жизни общества возрастает, изучение функций, которые принимает на себя музей по запросу социума в конкретно-исторических условиях, представляется актуальным.

Новизна исследования определяется введением в научный оборот новых архивных материалов, позволяющих восполнить лакуны в исследовании военных пропагандистских кампаний советской власти и деятельности музеев по актуализации историко-культурного наследия, ставящей целью укрепление обороноспособности страны.

В основу исследования положен историко-генетический метод, позволяющий рассмотреть изучаемые процессы в соответствии с исторической ситуацией, сложившейся в условиях нарастания «военной тревоги» 1927 г., выявить причинно-следственные связи, логику включения музеев в пропагандистские кампании и составить представление о динамике музейной рефлексии на политические события в стране.

Результаты и обсуждение

Одной из ведущих задач, поставленных перед музеями, стала пропаганда укрепления тыла и обороноспособности страны, для решения которой при Главнауке был проведен ряд методических совещаний, выработаны направления действий.

В июне 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поручило А.И. Рыкову «в закрытых заседаниях Совнаркома СССР и РСФСР поставить вопрос о немедленной разработке в наркоматах (каждому по своей линии) мероприятий, способствующих поднятию обороны...». Оценивая фактор «военной тревоги», историк Н.С. Симонов пришел к выводу, что с 1928 г. партия и правительство ввели страну в «подготовительный к войне период», суть которого сводилась к планомерному заблаговременному переходу государства и его вооруженных сил к проведению мобилизационных мероприятий [Симонов, 1996, с. 158].

Для организации работы в составе наркоматов были сформированы мобилизационные отделы или мобилизационные бюро [Симонов, 1996, с. 158]. Такое мобилизационное бюро было создано в составе Главнауки, и в него входили не только представители музеев, но и военного ведомства. Бюро имело право определять степень секретности работы музеев по оборонной теме.

В делопроизводстве ряда музеев сохранился протокол совещания работников московских музеев, датированный 17 февраля 1928 г. под грифом «секретно». В последующем документ был рассекречен и разослан для ознакомления и как руководство к действиям по всей стране, в частности его машинописная копия хранится в архиве Ленинградского музея социалистической реконструкции сельского хозяйства [ЦГА СПб, Л. 7–11].

Из протокола следует, что первое совещание 17 февраля 1928 г., которое определило общие задачи по оборонной теме, проводил Алексей Феодосьевич Вангенгейм (1881–1937). Был ли он руководителем или только членом Бюро, установить не удалось. Известно, что в 1928 г. он занимал должность заместителя начальника по научным учреждениям в аппарате Главнауки Наркомпроса РСФСР с правом пропуска на все заседания правительства.

На совещании присутствовали ведущие московские музеи: Исторический музей, Музей восточных культур, Музей народоведения, Музей изящных искусств, Третьяковская галерея, Дарвиновский музей, Оружейная палата, Музей фарфора, Музей Центральной промышленной области (ЦПО) и Музей игрушки (Сергиев Посад).

Большинство музеев было представлено директорами: В.Ф. Гогель (Музей восточных культур), А.Ф. Котц (Дарвиновский музей), В.В. Богданов (ЦПО), С.З. Моргачев (Музей фарфора). Из текста документа следует, что вся ответственность по организации работы была возложена целиком на директоров [ЦГА СПб, Л. 8]. Но были и исключения: Оружейную палату представлял С.В. Бахрушин, археолог С.В. Матвеев – Исторический музей. Поскольку степень секретности и совещания, планируемой работы устанавливало Бюро, случайных лиц не было. Так, известно, что С.В. Матвеев в это время работал и в музее, и в Главнауке [Мельникова, 2021, с. 141].

Ко времени совещания музеи должны были предложить план мероприятий. Но, видимо, не все были вовремя оповещены (в частности об этом говорили представители Музея игрушки), и на совещании был одобрен планы Дарвиновского музея и Музея народонаселения. Историческому музею и Музею восточных культур, стремящимся представить отдельные «военные» коллекции, сделаны существенные замечания. Поэтому основным вопросом стал методический. А.Ф. Вангенгейм подробно изложил позицию Главнауки.

В музейных экспозициях тема обороны должна была быть представлена как сквозная. Выделять тему отдельными выставками и экспозициями не рекомендовалось. «В наиболее крупных музеях могут быть организованы военные ячейки», но это было исключением. Музеям был предложен ряд тем для разработки экспозиционного показа: а) экономика (наша и противника) – сырьевая база, ресурсы и проч.; б) национальные и бытовые особенности, могущие иметь то или иное значение в обороне; в) география мест – особенности климата, топографии почв; изучение вопросов питания (продукты питания, суррогаты, урожай и т. п.) [ЦГА СПб, Л. 7, 11].

В конце 1920-х гг. в политическом руководстве страны потенциальный противник не имел строгой конкретики. Выделяли две возможные группы: непосредственных соседей СССР – Финляндия, Польша, Румыния, Болгария, Турция, Китай – и великих держав – Англия, Франция, США, Япония, участвовавших в интервенции в годы гражданской войны [Минц, 2007, с. 16]. Историк А.В. Голубев отметил, что Германия как потенциальный противник за послереволюционное десятилетие (1922–1932 гг.) в качестве источника военной угрозы не воспринималась. Ситуация изменилась только с приходом нацистов к власти [Голубев, 2019, с. 112–114]. Это создавало для музеев широкое поле деятельности. Решение каждого музея должно было быть оригинальным, «не по шаблону, не на плакатах, а на материале, главным образом самого музея» [ЦГА СПб, Л. 7]. «Общего шаблона для всех музеев нет, напротив, прежде всего, полная индивидуальная работа в зависимости от типа музея». Вопрос оригинальности, нетривиальности, непохожести в пропаганде темы затрагивался многократно. Говорить об этом должны были все музеи языком своих коллекций и в рамках своего профиля музея.

Для включения в экспозицию требовался тщательный анализ возможного эмоционального воздействия экспонатов. В частности, прозвучало такое указание: «в музеях, где наиболее трудна работа – художественных – из состава экспонатов надлежит устранить то, что может развивать настроение бойни войны, настроения «война – войне», следует, наоборот, акцентировать внимание на всех произведениях, которые свидетельствуют об обороноспособности, скажем – иллюстрирующих быт, гражданской и освободительных войн; или живописующих быт рабочих и крестьян раньше и теперь и т. д.» [ЦГА СПб, Л. 7, 11].

Одновременно музеям было, по сути, предложено провести проверку фондов и удалить «вредные для данного вида работы экспонатов». Чистку должны были проводить «незначительным кругом музейных работников», для экспертизы привлекать военных. Изъятие отдельных музейных предметов и целых коллекций, прежде всего представляющих политические события, было характерно для музейного строительства в 1920–30-е гг., в период острой партийной борьбы и политических репрессий. Изымались материалы, которые могли неоднозначно прочитываться посетителями. Работа по трансформации экспозиции должна была идти параллельно с переосмыслением материала экскурсоводами («определенное настроение объяснений»). Перед музеями была поставлена задача формировать у посетителей определенное настроение [ЦГА СПб, Л. 7].

Речь шла о психологической подготовке посетителей в понимании законности и необходимости защиты социалистического отечества, формирование «здорового настроения без застрашивания, с целью создания воли к победе над эксплуататорами при их нападении на СССР» [ЦГА СПб, Л. 11].

Основной целевой аудиторией были военные – красноармейцы. Когда Музей игрушки предложил «в орбиту этой работы включить юных пионеров», А.Ф. Вангенгейм заметил, что ориентироваться нужно не только на них, «а через них на другие возрастные группы, через них и с ними можно организовать кружки «друзей обороны». Организация кружков («подсобные организации») признавалась необходимым элементом расширения аудитории, причем изучать предлагалось географию, экономику, быт и т. п. Кроме того, совещание обратило внимание на такие виды популяризации, как лекции, лозунги («в меру, без крикливости»).

Мониторинг музеями восприятия «обороной» темы – одна из технологий изучения общественного мнения, применяемая в те годы. Выбор красноармейцев как основной целевой аудитории преследовал определенные политические цели. Красноармейцы – это молодое поколение, которое из двух противоречивших друг другу версий социализма (Гражданская война или НЭП), уже опробованных в истории СССР, отдавало предпочтение Гражданской войне с ее «революционным героизмом». Вместе с тем основная масса красноармейцев – это крестьянская молодежь. Крестьяне же были заинтересованы в сохранении «нэповской модели» взаимоотношений с государством. В конце 1928 г. перед страной стояла сложная задача – ликвидировать военно-экономическую отсталость. С учетом намеченного экономического плана была проведена и массовая коллективизация в сжатые сроки и жестокими методами [Симонов, 1996, с. 161]. Работа с красноармейцами, направленная на понимание задач обороны страны, позволяла отчасти смягчить реакцию крестьянства. Красноармейцы – это та социальная группа, через которую транслировались деревне новые идеологические установки и оценивались политические настроения.

В разработке «оборонной» темы московским музеям отводилась роль методического центра. Перед участниками была поставлена задача «дать в газеты статьи», иллюстрирующие «военную» работу музеев как руководство к действию в провинции. «Оборонную» работу рассматривали как длительную линию пропаганды. Она должна была «пронизывать все стороны, всю работу музеев, не ломая основной линии этой работы, допуская отдельные ударные моменты в работе в виде организации выставок, но не следует смотреть на [нее] как на короткую, проходящую кампанию, напротив, это длительная, органически соединенная с остальной работа музеев», – отмечено в протоколе.

Как реализовалась задача пропаганды «оборонной» темы в выставках и экспозициях музеев страны – вопрос, который не нашел до настоящего времени отражения в литературе. Отметим ряд наблюдений, сделанных на материалах ленинградских музеев. В первую половину 1930-х гг. музеи продолжали примечать привычные технологии – готовили выставки к датам красного календаря и юбилеям [«XXII годовщина РККА», выставка рисунка, иллюстраций и плаката. Каталог. 1940; Выставка работ ленинградских художников ко дню Красной Армии. Каталог выставки. 1939]. Следует отметить, что и Сектор науки Наркомпроса, на который было возложено руководство музеями, требовал соблюдения присланных единых экспозиционных планов [Ленинградское общество учебной и научной кинематографии. 1938], хотя это противоречило решению совещания 17 февраля 1928 г. Так, в 1931 г. спустили разрядку на выставку-передвижку «13-летие годовщины РККА» [Сектор науки Наркомпроса, 1931, с. 123]. Музеи Ленинграда предложили альтернативу, они отстаивали право работать на своем материале и тематике. В 1931 г. Артиллерийским историческим музеем была организована выставка «Большевики должны овладеть военной техникой». Центральным экспонатом стала панорама – технические средства будущего боя. За три летних месяца выставку посетило 36 тыс. чел (по 700–800 в день) [Сектор науки Наркомпроса, 1931, с. 123]. Артиллерийский исторический музей в дни майских праздников в 1938 г. предложил горожанам музей на колесах – выставку на автомобилях на тему «Овладение военной техникой – политическая задача дня» [С-кий, 1931]. В 1941 г. Музей революции в летнее время в парках города устроил выставки на темы: «Оборона Петрограда», «Новые советские республики», на которой были представлены трофеи войны с белофиннами [ЦГАЛИ СПб. Ф. 285. Д. 26]. Включение материалов современности привлекало посетителей.

Заключение

В начале Великой Отечественной войны, по мнению историка Н.Д. Козлова, общественное сознание определялось ментальностью, сформированной задолго до войны [Козлов, 2010, с. 67–68]. В этом процессе немаловажную роль сыграла «оборонная» работа му-

зеев, начало которой восходит к 1928 г. Музеи к концу 1930-х гг. все более отходили от стандартных технологий, обращаясь к интерактивным приемам, позволяющим формировать посетителям собственное мнение, поднять уровень интереса к музейным проектам.

Музейная рефлексия формировала избирательную модель настоящего и будущего, в этой модели не было запугивания войной. Разработка «оборонной» темы не предполагала устрашения посетителя, задача сводилась к пониманию необходимости дать отпор, если враг посягнет на территорию страны, дать понимание, что даже с сильным врагом можно сражаться и сорвать его планы.

Список литературы

- Баранов А.В. 2007. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России). В кн.: Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М.: 175–193.
- Брянцев М.В. 2014. Состояние ожидания войны и общественные настроения в 1927 г. В кн.: *Studiainternationalia: мат-лы III межд. науч. конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (2–4 июля 2014 г.). Брянск: 273–281.
- Брянцев М.В. 2017. Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции. *Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал*, 3: 100–114.
- Выставка работ ленинградских художников ко дню Красной Армии: Каталог выставки. 1939. Ленинград, 21.
- Голубев А.В. 2019. «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 гг. 2-е изд. Москва – Берлин, Директ-Медиа, 289.
- Голубев А.В. 2007. «Если весь мир обрушится на нашу Республику»: призраки войны в советском обществе 1920–1930-х гг. В кн.: *Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006*. М.: 111–124.
- «XXII годовщина РККА», выставка рисунка, иллюстраций и плаката: Каталог. 1940. М.-Л., Искусство, 20.
- Козлов Н.Д. 2010. Общественное сознание и настроение народа в начале Великой Отечественной войны. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. Т. 4. (3): 57–68.
- Кудюкина М.М. 2000. Война, которой не было: военная угроза 1927 г. В кн. 6 *Homo Belli – человек войны в микроистории и истории повседневности*. Нижний Новгород, 262.
- Лившин А.Я. 2015. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе. *Государственное управление. Электронный вестник*, 50: 190–206.
- Мельникова О.М. 2021. Археолог С.Г. Матвеев: заметки к биографии. *Ежегодник финно-угорских исследований*, 15 (1): 139–146.
- Милиц М.М. 2007. Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 24.
- Невежин В.А. 1997. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., АИРО-XX, 287.
- Нежинский Л.Н. 1990. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов. *История СССР*, 6: 14–30.
- Николаев Л.Н. 1992. Угроза войны против СССР (конец 20 – начало 30-х гг.): реальность или миф? В кн.: *Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов*. М.: 63–90.
- Самуэльсон Л. 2001. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1922–1941. М., 296.
- С-кий. 1931. Из опыта массовой работы Артиллерийского исторического музея РККА в Ленинграде. *Светский музей*. 6: 97–98.
- Сектор науки Наркомпроса 1931. *Советский музей*. 1: 123.
- Симонов Н.С. 1996. «Крепить оборону страны Советов»: «Военная тревога» 1927 года и ее последствия. *Отечественная история*, 3: 155–161. Указания по оформлению выставки Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Военно-Морской Флот в произведениях Советского кино и изобразительного искусства. 1938. Л., 9.

- Ушакова С.Н. 2013. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН, 213.
- Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербург (ЦГАЛИ СПб). Ф. 285. Д. 26.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербург (ЦГА СПб). Фонд 6033. Дело 3.

References

- Baranov A.V. 2007. «Voennaya trevoga» 1927 g. kak factor politicheskikh nastroyeniy v nepovskom obshchestve (po materialam Yuga Rossii). [«Military alarm» of 1927 as a factor of political sentiment in the NEP society (based on materials from the South of Russia)] In: Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [In: Russia and the World through each other's Eyes: from the History of Mutual perception. Issue] 4. Moscow: 175–193 (in Russian).
- Bryantsev M.V. 2014. Sostoyanie ozhidaniya voyny i obshchestvennyye nastroyeniya v 1927 g. [The state of expectation of war and public sentiment in 1927]. In: Studia internationalia: materialy III mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Zapadnye region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh X–XX vv.» (2–4 iyulya 2014) g. [In: Studia internationalia: Proceedings of the III International Scientific Conference «The Western region of Russia in International relations of the X–XX centuries» (July 2–4, 2014).] Bryansk: 273–281.
- Bryantsev M.M. 2017. Anglo-sovetskiy konflikt 1927 goda v predstavlenii naseleniya sovetskoy provintsii [Anglo-Soviet Conflict of 1927 in the Representation of People of the Soviet Provinces]. Noveyshaya istoriya Rossii. Mezhdistsiplinarnyy nauchno-teoreticheskiy zhurnal [Modern History of Russia. Interdisciplinary Scientific Journal]. 3. St. Petersburg: 100–114 (in Russian).
- Vystavka работ leningradskikh hudozhnikov ko dnyu Krasnoj Armii: Katalog vystavki [Exhibition of works by Leningrad artists on the day of the Red Army: Exhibition catalog]. 1939. Leningrad, 21.
- Golubev A.V. 2019. «Esli mir obrushitsya na nashu respubliku»: Sovetskoe obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1922–1941 gg. [«If the world collapses on our Republic»: Soviet Society and the External Threat in 1922–1941]. 2nd ed. Moscow – Berlin, Direkt-Media, 289.
- Golubev A.V. 2007. «Esli ves' mir obrushitsya na nashu Respubliku»: prizraki vojny v sovetskom obshchestve 1920–1930-h gg. [«If the whole world falls on our Republic»: ghosts of war in Soviet society of the 1920s – 1930s]. V kn.: Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2005/2006 [In: Military-historical Anthropology. Yearbook, 2005/2006] M.: 111–124.
- «XXII godovshchina RKKa», vystavka risunka, illyustracij i plakata: Katalog [«XXII anniversary of the Red Army», exhibition of drawings, illustrations and posters: Catalog]. 1940. M.- L., Iskusstvo, 20.
- Kozlov N.D. 2010. Obshchestvennoe soznanie i nastroyenie naroda v nachale Velikoy Otechestvennoy vojny [Public Consciousness and Moods of the People in the Beginning of the Great Patriotic War]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal]. 4 (3). St. Petersburg: 57–68 (in Russian).
- Kudyukina M.M. 2000. Vojna, kotoroj ne bylo: voennaya ugroza 1927 g. [The War that did not Exist: the Military threat of 1927]. In: Homo Belli – chelovek vojny v mikroistorii i istorii povsednevnosti. [In: Homo Belli is a man of war in microhistory and the history of everyday life] Nizhnij Novgorod, 262.
- Livshin A.Ya. 2015. «Voennaya trevoga» 1927 goda i obshchestvennyye nastroyeniya v Sovetskom soyuze. Gosudarstvennoe upravlenie [The «Military Alert» of 1927 and Public Moods in the Soviet Union]. Elektronnyy vestnik [E-journal «Public Administration»]. 50. Izhevsk: 190–206 (in Russian).
- Mel'nikova L.N. 2021. Arkheolog S.G. Matveev: zametki k biografii [Archaeologist S.G. Matveev: Notes to the Biography]. Ezhegodnik finno-ugorskikh sledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 15 (1). Moscow: 139–146 (in Russian).
- Minc M.M. 2007. Budushchaya vojna v predstavleniyah voenno-politicheskogo rukovodstva SSSR v 1927–1941 gg.: avtoref. dis. nasoiisk. uchen. step. kand. ist. nauk [The future war in the views of the military-political leadership of the USSR in 1927–1941: abstract. dis. on the job. learned. step. Candidate of Historical Sciences]. M., 24.
- Nevezhin V.A. 1997. Sindrom nastupatel'noj vojny. Sovetskaya propaganda v preddverii «svyashchennykh boev», 1939–1941 gg. [Offensive war syndrome. Soviet propaganda on the eve of the «holy battles», 1939–1941]. M., AIRO-HH, 287.

- Nezhinskij L.N. 1990. Byla li voennaya ugroza SSSR v konce 20-h – nachale 30-h godov [Was there a military threat to the USSR in the late 20s – early 30s.]. *History of the USSR*, 6: 14–30 (in Russian).
- Nikolaev L.N. 1992. Ugroza vojny protiv SSSR (konec 20 – nachalo 30-h gg.): real'nost' ilimif? [The threat of war against the USSR (late 20s – early 30s): reality or myth?]. V kn.: *Sovetskaya vneshnyaya politika. 1917–1945 gg. Poisk i novyh podhodov*. [In: *Soviet Foreign Policy. 1917–1945 The search for new approaches*]. M.: 63–90.
- Samuelson L. *Plans for Stalin's War Machine*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire an London, Macmillan Press LTD, 1999.
- S-kij. 1931. Iz opyta massovoj raboty Artillerijskogo istoricheskogo muzeya RKKA v Leningrade [From the experience of mass work of the Artillery Historical Museum of the Red Army in Leningrad] *Soviet Museum*. 6: 97–98 (in Russian).
- Sektor nauk i Narkomprosa. 1931 [Science sector of the People's Commissariat of Education 1931]. *Sovetskij muzej Soviet Museum*, 1: 123 (in Russian).
- Simonov N.S. 1996. «Krepit' oboronu strany Sovetov»: «Voennaya trevoga» 1927 goda i ee posledstviya [«Strengthen the Defence of the Soviet Country» («Military Alarm» of the Year 1927 and Its Consequences)]. *Russian History*. 3. Moscow: 155–161 (in Russian).
- Ukazaniya po oformleniyu vystavki Raboche-Krest'yanskaya Krasnaya Armiya i Voенно-Morskoy Flot v proizvedeniyah Sovetskogo kino i izobrazitel'nogo iskusstva [Instructions for the design of the exhibition The Workers' and Peasants' Red Army and Navy in the works of Soviet cinema and fine art] 1938. L., 9.
- Ushakova S.N. 2013. Ideologo-propagandistskie kampanii v praktike funkcionirovaniya stalinskogo rezhima: novye podhody i istochniki. [Ideological and propaganda campaigns in the practice of the functioning of the Stalinist regime: new approaches and sources.] M.: ROSSPEN, 213.
- Centralnii gosudarstvennii arhiv literature i iskusstva Sankt-Peterburg (CGALI SPb). [Central State Archive of Literature and Art St. Petersburg (TsGALI St. Petersburg)]. F. 285. d. 26.
- Centralnii gosudarstvennii arhiv Sankt-Peterburg (CGA SPb) [Central State Archive of Saint Petersburg (CSA St. Petersburg)]. F. 6033. D. 3.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.01.2022

Received 25.01.2022

Поступила после рецензирования 11.05.2022

Revised 11.05.2022

Принята к публикации 11.05.2022

Accepted 11.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Воронко Александр Николаевич, директор, Департамент музеев и внешних связей Министерства культуры РФ, г. Москва, Россия

Alexander N. Voronko, Director, Department of Museums and External Relations Ministry of Culture of the Russian, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9296-2084](https://orcid.org/0000-0002-9296-2084)